

1. Архив нар. суда г. Ковеля Волынской обл., 1968, дело № 375.
2. Лысов М. Д. Ответственность за частнопредпринимательскую деятельность по советскому уголовному праву. Казань, Изд-во Казанского ун-та, 1969.
3. Матышевский П. С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в Украинской ССР. Киев, Изд-во Киевского ин-та, 1972. 201 с.
4. Панов Н. И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Харьков, 1973.
5. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1973 гг., М., Изд-во «Изв. Советов депутатов трудящихся», 1974.
6. Сирота С. И. Преступления против социалистической собственности и борьба с ними. Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1968.
7. Уголовное право. Часть особенная. М., «Юрид. лит.», 1968.

В. П. Тихий, канд. юрид. наук

КВАЛИФИКАЦИЯ ХИЩЕНИЙ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Успешная борьба с хищениями огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ (в дальнейшем данное преступление именуется хищением оружия), ответственность за которые предусмотрена в ст. 223 УК УССР и в соответствующих статьях УК других союзных республик, имеет важное значение в предупреждении других тяжких преступлений. В связи с тем, что в судебной практике отсутствовало единство в применении закона, Пленум Верховного Суда СССР впервые принял 20 сентября 1974 г. постановление «О судебной практике по делам о хищении огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, незаконном ношении, хранении, приобретении, изготовлении или сбыте оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ и небрежном хранении огнестрельного оружия» [см.: 1, с. 7—10]. В статье рассматриваются вопросы квалификации хищения оружия в соответствии с указаниями Пленума.

В литературе часто утверждается, что хищение оружия является двуобъектным преступлением, посягающим как на общественную безопасность, так и на социалистическую или личную собственность [см.: 4, с. 385]. Исходя из этого, некоторые авторы делают практический вывод, что отсутствие в деянии посягательства на отношения собственности и непричинение ей материального вреда исключает возможность квалификации деяния по ст. 223 УК УССР [см.: 6, с. 25—26]¹. Однако такое решение вызывает сомнение, так как хищение оружия, как правило, не связано с посягательством на отношения собственности. Например, отсутствует в уголовно-правовом смысле посягательство на собственность, когда стоимость похищенного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ чрезвычайно незначительна (например, похищено несколько патронов или граната либо списанное оружие, подлежащее уничтожению). Так по делу П., осужденного за хищение взрывчатых веществ, было установлено, что он совершил кражу одного патрона аммуниции стоимостью менее трех копеек. Если учесть, что стоимость ору-

¹ В дальнейшем будем называть УК УК УССР.

жия, боеприпасов и взрывчатых веществ, как правило, невелика, материальный ущерб при хищении данных предметов большей частью отсутствует. Нет также посягательства на собственность, когда оружие похищается у лиц, незаконно изготовивших или незаконно хранящих его после изготовления. Государство не признает за этими лицами права собственности на такие предметы. Эти предметы не являются и социалистической собственностью. Следовательно, при хищении оружия социалистической или личной собственности не всегда причиняется ущерб. Поэтому она при совершении анализируемого преступления может выступать лишь как факультативный объект, являющийся необязательным признаком преступления.

В то же время при прочих равных условиях очевидно, что хищение оружия, сопряженное с причинением ущерба собственности всегда опаснее, нежели такое же преступление, не связанное с посягательством на собственность. Потому это обстоятельство должно учитываться при назначении наказания. Хищение оружия в крупном или особо крупном размере (например, хищение ценного музейного или дорогостоящего охотничьего оружия) следует квалифицировать по совокупности преступлений, т. е. по ст. 223 УК и соответствующей статье об ответственности за хищение социалистического имущества в крупных или особо крупных размерах, так как именно такой квалификацией дается полная юридическая и социально-политическая оценка содеянному, что играет существенную роль при назначении виновному наказанию. Мы имеем в виду квалификацию хищения оружия, являющегося социалистической собственностью или личной, но находящегося на ответственном хранении у социалистических организаций. Хищение оружия, находящегося у граждан и принадлежащего им на праве личной собственности, независимо от его стоимости должно квалифицироваться только по ст. 223 УК.

Необходимым признаком состава рассматриваемого преступления является его предмет — огнестрельное оружие, боевые припасы и взрывчатые вещества. Они имеют специальное назначение, так как предназначены либо для поражения живой силы, либо для разрушения окружающей среды. Чтобы отвечать указанному требованию, эти предметы должны быть в момент хищения объективно пригодны для использования. Под пригодностью следует понимать такое их состояние, вследствие которого они могут быть использованы по своему назначению либо для этого могут быть приведены в надлежащее состояние (например, путем доделок, ремонта). Пленум Верховного Суда СССР в связи с этим указал, что при хищении неисправного оружия (боеприпасов или взрывчатых веществ) действия виновного могут быть квалифицированы по ст. 223 УК лишь в том случае, если виновный имел намерение и реальную возможность привести их в пригодное состояние [м.: 1, с. 8]. Поэтому правильно был осужден по ст. УК Д., за похищение из шахты трех кг. аммонита, хотя и неспособного к взрыванию ввиду большой его влажности, но обладавшего такой

возможностью при его подсушке. Подсудимый сознавал данное обстоятельство, так как по роду работы имел доступ к взрывчатым веществам, знал правила обращения с ними и рассчитывал именно таким образом привести похищенный им аммонит в пригодное для взрыва состояние. Если признаком пригодности в указанном значении предметы не обладают, то их использование не представляет угрозы общественной безопасности, и они не могут рассматриваться в качестве предмета анализируемого нами преступления. Хищение таких предметов может быть квалифицировано как преступление против собственности.

Перечень предметов преступления, предусмотренный ст. 223 УК, является исчерпывающим. Однако в практике наблюдались случаи необоснованного его расширения, в связи с чем Пленум Верховного Суда СССР в названном постановлении указал, что пневматические ружья, сигнальные, стартовые, стронтовые, газовые пистолеты, ракетницы, взрывпакеты и иные имитационно-пиротехнические и осветительные средства не относятся к предмету данного преступления [см.: 1, с. 8]. Естественно, что не могут рассматриваться в качестве предмета хищения оружия пугачи, детское игрушечное оружие, пистолеты-зажигалки и другие предметы, имеющие лишь внешнее сходство с оружием, но не обладающее признаком огнестрельности.

Специального внимания заслуживает вопрос об ответственности за хищение составных частей и деталей оружия. Хищение запасных частей к оружию, которые похищены одновременно с оружием, затруднений в квалификации вызвать не может. Части оружия в этом случае связаны единым назначением с самим оружием, предполагается их использование для бесперебойной работы последнего. Так, правильно по ст. 223 УК были квалифицированы действия М., который одновременно похитил три пистолета системы «ТТ» и три запасных обоймы к ним.

Сложнее решается вопрос при похищении частей оружия как самостоятельных предметов. Здесь надо различать три случая. Два из них решает Пленум Верховного Суда СССР. В первом — когда виновный похищает отдельные части и детали, представляющие необходимый комплект для сборки пригодного к использованию оружия, содеянное надлежит квалифицировать по ст. 223 УК [см.: 1, с. 9]. При этом не имеет значения, мог ли виновный с учетом его квалификации или мастерства собрать пригодное к использованию оружие. Дело в том, что для сборки оружия из похищенных частей виновный может обратиться к помощи других лиц, обладающих соответствующими знаниями, или же приобрести такие знания при чтении литературы, изучении чертежей, получении консультаций, разборке и сборке оружия и т. п. Поэтому правильно осуждены по ст. 223 УК, как за оконченное преступление, Б. и К., одновременно похитившие несколько стволов от малокалиберных винтовок, курки и другие части к малокалиберному оружию, из которых, по заключению экспертизы, можно собрать пригодные для стрельбы малокалиберные винтовки.

Второй случай, заключающийся в хищении составных частей, отдельных деталей оружия и в последующем изготовлении недостающих деталей, необходимых для сборки годного к стрельбе оружия, Пленум предлагает квалифицировать как совокупность хищения иного государственного или общественного имущества и незаконного изготовления оружия [см.: 1, с. 9]. По ч. 1 ст. 222 УК должны быть квалифицированы действия виновного и тогда, когда он похищает отдельные части оружия с тем, чтобы привести в пригодное состояние путем ремонта имеющегося у него оружия или сделать его более эффективным. Здесь за хищение деталей (частей) оружия виновный также может быть привлечен к ответственности еще и по статьям о преступлениях против социалистической или личной собственности.

Наконец, в практике встречаются такие ситуации, когда виновный, похищая те или иные части оружия, намеревается несколькими действиями похитить необходимый комплект и собрать из него пригодное к использованию оружие. Думается, такие действия должны квалифицироваться по ст. 17 и ст. 223 УК как покушение на хищение оружия.

Мнение о том, что к предмету рассматриваемого преступления не относится оружие кустарного производства, так как оно не находится на государственном учете и контроле, неправильно [см.: 3, с. 55—56]. Во-первых, к такому оружию может относиться, например, музейное оружие кустарного изготовления или такое же оружие, находящееся в криминалистических кабинетах и т. п. Так, правильно был осужден К. (по ст. 223 УК), совершивший кражу самодельного пистолета («самопала»), являющегося вещественным доказательством по уголовному делу.

Во-вторых хищение кустарно изготовленного оружия также посягает на общественную безопасность, поскольку оно может быть использовано для совершения преступления, и обращение с ним может стать источником несчастных случаев. Поэтому Пленум Верховного Суда СССР в п. 2 названного Постановления указал, что предметом хищения, предусмотренного ст. 223 УК, могут быть: оружие, боевые припасы и взрывчатые вещества как заводского производства, так и самодельного [см.: 1, с. 8]. В этом же Постановлении Пленум отметил, что уголовная ответственность по ст. 223 УК наступает в случаях хищения огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ как из государственных учреждений или общественных организаций, так и у отдельных граждан, владеющих ими правомерно или незаконно [см.: 1, с. 9]. Это решение представляется единственно правильным. Ответственность по ст. 223 УК за хищение оружия у лиц, владеющих им незаконно, вытекает из того, что такое хищение также посягает на общественную безопасность, осложняет, если не полностью исключает, сдачу оружия органам власти или его изъятие, существенно увеличивает возможность совершения преступления и наступления несчастных случаев. Хищение оружия у лиц, неправомерно им владеющих, обладает в принципе такой же общественной опасностью, как

и совершение предусмотренных ст. 223 УК хищений из правомерного владения. Оно создает возможность причинения вреда именно тем интересам общественной безопасности, ради охраны которых и введена в УК ст. 223.

Хищение оружия, как правило, является безвозмездным. Однако даже возмездное завладение им следует квалифицировать по ст. 223 УК. Возмездность при хищении может иметь место, например, при самовольном обмене непригодного оружия на пригодное, при уплате его стоимости и т. п.

Хищение оружия предполагает противоправное обращение его в свою пользу или в пользу других лиц. При этом формы хищений, перечисленные в ст. 81—84, 86 УК, характерны и для хищения, предусмотренного ст. 223 УК. Формы хищения как раз и позволяют отличить данное преступление от случаев вымогательства оружия. Вымогательство государственного или общественного имущества даже в тех случаях, где оно предусмотрено в качестве самостоятельного преступления (например, в ст. 95 УК РСФСР), не рассматривается в качестве отдельной формы хищений. УК УССР и УК ряда других союзных республик вообще не устанавливают ответственности за такое преступление в самостоятельной статье, исходя из того, что если такое вымогательство будет иметь место, возможно сконструировать ответственность по правилам стадий совершения преступления или соучастия в хищении государственного или общественного имущества. Применительно к УК РСФСР В. Д. Малков предложил случаи вымогательства оружия квалифицировать по ст. 95 УК РСФСР [см.: 5, с. 91]. Однако такая точка зрения игнорирует объект и предмет данного посягательства. При вымогательстве оружия виновный посягает на общественную безопасность и по ст. 95 УК РСФСР, где преступление направлено против собственности, на наш взгляд, отвечать не может. Вымогательство огнестрельного оружия, принадлежащего социалистическим организациям, следует квалифицировать как приготовление к хищению данного предмета. Если же лицо, владеющее оружием или ведающее им, передало его вымогателю, то оно выступает как исполнитель хищения, а вымогатель как подстрекатель. Ответственность в этом случае наступает для обоих лиц по ст. 223 УК. По иному должен быть решен вопрос при вымогательстве огнестрельного оружия, принадлежащего отдельным гражданам. Действия вымогателя в этих случаях должны быть квалифицированы по ст. 144 УК. Если же вымогателю удалось получить таким образом оружие, он должен дополнительно отвечать еще и по ч. 1 ст. 222 УК.

Хищение оружия может быть совершено только с прямым умыслом. Поэтому, если оружие было изъято вместе с другим имуществом, но виновный не знал, что похищает оружие (например, кража у гражданина чемодана, в котором оказался пистолет), совершенное им в этом случае не может быть квалифицировано по ст. 223 УК. В подобных случаях в действиях виновного независимо от его дальнейшего поведения состав рассматриваемого преступления отсутствует, так как у него не было умысла на хищение оружия.

Если же виновный оставляет себе или передает другим лицам обнаруженный им после изъятия пистолет, то он совершает преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 222 УК.

В полном соответствии со ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в ст. 10 УК предусмотрено, что за хищение оружия путем кражи, грабежа или разбоя ответственность наступает с 14-летнего возраста, а в остальных случаях — с 16 лет. Согласно же ст. 10 УК РСФСР ответственность за хищение оружия наступает с 14-летнего возраста независимо от формы хищения. Данное положение ст. 10 УК РСФСР не соответствует Основам. Поэтому, представляется, эта статья должна быть истолкована ограничительно, а в будущем целесообразно внести в нее соответствующие уточнения.

Специального внимания заслуживают некоторые обстоятельства, квалифицирующие хищение оружия. Наиболее опасной формой совершения рассматриваемого преступления является разбойное нападение. В основу характеристики этой формы хищения должно быть положено законодательное определение разбоя, данное в ч. 1 ст. 86 и ч. 1 ст. 142 УК. Хотя, в отличие от разбоя с целью завладения государственным, общественным или личным имуществом, законодатель в ч. 2 ст. 223 УК говорит не о нападении с целью завладения оружием, а о хищении его путем разбойного нападения, Пленум в п. 12 предложил хищение оружия путем разбойного нападения считать оконченным с момента нападения [см.: 1, с. 10].

До недавнего времени в примечании к ст. 81 УК, где дается понятие повторности хищения государственного и общественного имущества, говорилось и о повторности преступления, предусмотренного ст. 223 УК. Повторным в соответствии с этим примечанием считалось хищение оружия, если ему предшествовало совершение не только такого же преступления, но любого другого хищения. Автором этой статьи еще в 1972 г. предлагалось считать повторным хищение оружия лишь в том случае, если ему предшествовало совершение такого же преступления. Это обосновывалось тем, что повторность одного и того же деяния (так называемая повторность тождественных преступлений) как раз и свидетельствует о повышенной опасности преступника, который повторением именно данного преступления обнаруживает укоренившиеся у него антиобщественные взгляды, упорное нежелание соблюдать законы и правила по обращению с оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами [см.: 7, с. 14—15]. Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 17 июня 1974 г. «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Украинской ССР» текст примечания к ст. 81 УК изменен, и в настоящее время хищение оружия признается повторным лишь при условии, если ему предшествовало также хищение оружия, ответственность за которое предусмотрена ст. 223 УК. Ранее совершенное хищение другого имущества не образует признака повторности, предусмотренного в ст. 223 УК [см.: 2, 9].

Для признания повторности не имеет значения, совершил ли виновный в первом и последующем случае окончательное хищение оружия или же приготовление к нему либо покушение. Повторность такого хищения имеет место и тогда, когда виновный при совершении первого преступления является, например, исполнителем, а при совершении последующего выполнял роль подстрекателя или пособника. Предлагаемое решение общепринято в судебной практике применительно к другим категориям дел и вызвано тем, что преступлением признается как предварительная преступная деятельность, так и оконченная; как деятельность исполнителя преступного деяния, так и деятельность других соучастников.

Признаки повторности хищения оружия имеются как в тех случаях, когда лицо совершает дважды хищение одного и того же предмета (например, боеприпасов), так и тогда, когда совершается хищение различных предметов, указанных в ст. 223 УК (например, в первый раз оружия, во второй — взрывчатых веществ). Это объясняется тем, что эти предметы в уголовно-правовом смысле равнозначны, и хищение любого из них охватывается ст. 223 УК.

Для наличия признака повторности также не имеет значения, в каких формах и в какой последовательности совершены хищения оружия. Так хищение оружия путем кражи будет повторным, если ранее было совершено его хищение, например, путем мошенничества и т. п. Повторным является хищение оружия как в случаях, когда лицо не было осуждено за ранее совершенное хищение, так и тогда, когда оно имеет судимость за такое преступление [см.: 1, с. 9]. Если совершению преступления, предусмотренного ст. 223 УК предшествовало преступление, квалифицируемое по иной статье УК, но объективная сторона которого выразилась в хищении оружия (например, бандитизм), налицо повторность, указанная в ч. 2 ст. 223 УК.

При трактовке такого квалифицирующего обстоятельства, как хищение оружия по предварительному сговору группой лиц, очень важно установить, что при этом имелся предварительный сговор на хищение оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ, а не другого имущества. Поэтому в тех случаях, когда участники группы предварительно договорились совершить хищение какого-либо другого имущества, а исполнитель совершил хищение оружия, нельзя говорить о наличии преступления, совершенного по предварительному сговору группой лиц. В данном случае имеет место эксцесс исполнителя, так как им совершено такое хищение, которое не охватывалось умыслом других соучастников, и потому из действия вообще не могут быть квалифицированы по ст. 223 УК.

Список литературы

1. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1974, № 5, с. 8—10.
2. Ведомости Верховного Совета УССР, 1974, № 27, с. 7—10.
3. Кардава А. Н. Ответственность за похищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ. — «Вестник Моск. ун-та», 1971, № 6, с. 65—66.

4. Курс советского уголовного права. Т. VI. М., «Наука», 1971. 560 с.
5. Малков В. Д. Ответственность за хищение огнестрельного оружия. — «Сов. милиция», 1969, № 4, с. 91—95.
6. Погребняк И. Г. Квалификация составных преступлений. — «Сов. юстиция», 1970, № 13, с. 25—26.
7. Тихий В. П. Ответственность за хищение огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ по советскому уголовному праву. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1972. 20 с.

С. А. Альперт, канд. юрид. наук

РОЛЬ ОБВИНЕНИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ

Совершенствование деятельности милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции, о котором говорил на XXV съезде КПСС Генеральный Секретарь ЦК товарищ Л. И. Брежнев, ставит перед советской правовой наукой, в том числе и наукой уголовного процесса, задачу всестороннего исследования деятельности каждого из этих органов в их взаимодействии и разработки на этой основе предложений по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

К числу актуальных вопросов теории и практики советского уголовного судопроизводства относится соотношение различных процессуальных функций, в особенности обвинения и правосудия. В юридической литературе каждая из этих процессуальных функций подвергалась обстоятельному исследованию. Однако вопрос об их взаимосвязи часто рассматривался в одном плане, а именно — осуществляет ли прокурор-государственный обвинитель надзор за деятельностью суда или же такой надзор несовместим с процессуальным положением государственного обвинителя как стороны в процессе [см.: 11, с. 37; 15, с. 33]. Не умаляя важности исследования данного вопроса в указанном смысле, необходимо подчеркнуть, что есть и другие стороны соотношения и взаимосвязи этих функций. Речь, в частности, идет о значении, роли обвинения в успешном осуществлении правосудия по уголовным делам. Такой подход к исследованию функции обвинения не получил еще должного развития в процессуальной науке, и только в последнее время отдельные авторы стали уделять ему определенное внимание [см.: 14, с. 149—153].

Выяснению связи обвинения с другими процессуальными функциями, его роли в осуществлении правосудия в значительной мере препятствовала ошибочная концепция, согласно которой советский уголовный процесс не знает разграничения процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела, ему чужда состязательность [см.: 18, с. 32, 72, 85—86; 7, с. 127, 130; 10, с. 31, 36]. Сама постановка вопроса о связи обвинения с другими процессуальными функциями, в том числе правосудием, возможна лишь там, где признается наличие этих функций и их разграничение.

Исследование вопроса связи обвинения с другими процессуальными функциями важно, прежде всего, потому, что оно позволяет